

АРИНА МАЛЫХ

СЕРДЦЕ НА ХОЛСТЕ

**LIKE
BOOK**

МОСКВА

АРИНА МАЛЫХ

СЕРДЦЕ НА ХОЛСТЕ

**LIKE
BOOK**

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М20

Художественное оформление С. Леманн

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:

© Daria Ustiugova, YASNARADA,

Rawpixel.com / Shutterstock.com / FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Малых, Арина.

М20 Сердце на холсте / Арина Малых. – Москва :
Эксмо, 2025. – 352 с.

ISBN 978-5-04-212626-0

Студентке Асе Канарейкиной открылся удивительный секрет! Она может нарисовать что угодно, и картинка оживет.

Преподаватели твердят, что девушку ждет большое будущее. Но Асе совсем не до учебы и вообще ни до чего. Она влюбилась... Только однокласснику Мирону застенчивая и чувствительная Ася не нравится. И лучшая подруга Милана от нее отдалась. Чтобы справиться с бурей эмоций и чувств, Ася сбегает в нарисованный ею самой мир!

Но однажды Ася осознает, что в этом идеальном пространстве чего-то не хватает... Чего-то важного. Там нет людей. И единственный способ найти то, что она ищет, — это вернуться в реальность, бежать навстречу своим страхам и рисковать всем, даже сердцем...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-212626-0

© Малых А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

*Во Вселенной есть только один уголок,
который ты можешь уверенно
взять в кандидаты
на улучшение, — это ты сам.*

Олдос Хаксли

ГЛАВА 1

Первый день в эгом мире.

28 октября

Ася бежала по лестнице, крепко прижимая этюдник к груди, словно это была последняя ниточка, веревочка, канатик, связывающий ее с этим миром. «Обманщики... Предатели... Ненавижу...» – повторяла она, нервно смахивая тыльной стороной ладони слезы. «Бежать... Срочно... Как можно дальше...» – прерывисто шептала она. Под ногами вспыхивала подсветка и медленно гасла, как только Ася покидала поле зрения датчика. Лестница и окружающее пространство тут же погружались в темноту. Ася с опаской оглянулась и сильнее прижала этюдник. По телу пробежала дрожь. На лбу выступили неприятные капельки пота. Последние ступеньки, и она торопливо спустилась в огромный холл, освещенный в нескольких местах приглушенными светильниками. Пригнулась и нырнула за массивную опорную стойку, от которой начинался поручень лестницы. Ася присела на пол и положила рядом этюдник. Отдышавшись, она осторожно выглянула из-за укрытия. Никого. В стене, разрисованной океанским пейзажем, отворилась незаметная дверь. Из длинного коридора вышел охранник с чашкой в руке. Послышались его неторопливые

шаги. Скрипнуло кресло, глубокий вдох, шумный выдох, прихлебывающий звук. Жужжание мобильного.

— Але. Ага. На территории? Сейчас пойду проверю. — Охранник, кряхтя, поднялся и вышел на улицу.

Ася вскочила, схватила этюдник и помчалась к большому, нарисованному на стене городу. Прижавшись к прохладной поверхности, она долго водила рукой, чуть нажимая на гладкую вертикальную плоскость. «Ну где же она? Никак не получается!» Ася положила этюдник на пол и стала действовать двумя руками. «Это здание, самое высокое... Вот здесь должно быть». Еще мгновение, и дверь открылась с тихим скрипом. Ася подняла этюдник и вошла внутрь. Нашупала выключатель, вспыхнула подсветка. «Так. Хорошо». Плотно закрыв за собой дверь, Ася направилась по кафельной дорожке вглубь сада. Прошла мимо водопада и маленького озера. Бросила печальный взгляд на статую девушки с кувшином. Миновала широкие ступени лестницы, на которых она сидела рядом с Мироном. Посмотрела на фонтан, окруженный колоннадой, где Мирон держал ее за руку и они слушали рассказы Маревны Андревны. «Как это было хорошо... И как это было давно... Словно прошло не три месяца, а полжизни...» Она всхлипнула. «Я не плачу, нет. Меня ждет прекрасный мир. Мой собственный. Где все будет хорошо».

Ася прошла места, знакомые по занятиям, и ступила в заросшую часть сада. Деревья росли так плотно, что приходилось протискиваться через их стволы. Колючий кустарник цеплялся за джинсы и толстовку и норовил порвать одежду. Стало заметно темнее. Свет сюда еле пробивался со стороны последнего

подсвеченного участка сада. «Похоже, тут действительно давно никто не ходил». Стараясь не потерять дорожку, которой уже почти не было видно, Ася на ощупь добралась до конца тропы. Плитки здесь были разбиты, засыпаны землей и песком. Перед Асей возвышалась серая шершавая стена, зарисованная черной клеткой. Прислонив этюдник к стене, Ася вытащила небольшой ножик для заточки карандашей и принялась сдирать вьюны справа от нарисованной клетки. Медленно продвигаясь дальше и дальше от места, на которое вышла с тропы. Руки были в мелких порезах, ножик затупился и отказывался помогать. Стало совсем темно. Сердце учащенно забилося. Ася сделала глубокий вдох, пытаясь унять нервную дрожь. Достала из кармана мобильный и включила фонарик. Мельком увидела восемь сообщений от Демьяна и двенадцать от Миланы. Фыркнув, продолжила искать, где заканчивается черная клетка. «Вот. Ура. Чистая стена! Ну теперь меня никто не найдет. Не обидит и не обманет». Ася отодвинула подальше толстые стебли, оборвала мелкие и внимательно осмотрела освобожденную поверхность. Убедившись, что она пустая, принесла этюдник, достала краски, кисти и маленькую бутылочку с водой. Пристроила мобильный на пушистой еловой ветке так, чтобы фонарик светил ровно на освобожденную от зарослей часть стены. Налила немного воды в палитру, поводила в ней кисточкой. Взяла одну краску, потом другую. Постепенно на стене появилась полоса, с Асю ростом. «Надо сделать поуже. Краски экономить. Вот будет глупо, если они закончатся. — Она ухмыльнулась. — И ручку надо нарисовать. Или не надо?» В задумчивости Ася остано-

вилась. Покачала головой и продолжила закрашивать прямоугольник. Еще несколько размашистых мазков, и дверь была готова. Ася убрала краски, сняла с ветки мобильный и встала перед картинкой. Улыбнувшись, она коснулась рукой нарисованных красно-коричневых досок. Почувствовала чуть шершавую текстуру. Уверенно нажала и толкнула вперед. Дверь подалась. Ася вошла в густую непроглядную пустоту и оказалась в черном кубе.

Она направила фонарик в одну сторону, потом в другую. Нигде ничего не было видно. Дверь захлопнулась и исчезла. Вздвогнув, Ася еще раз огляделась, открыла этюдник, нашла белую краску и самую толстую кисть. Она хотела положить ящик на землю, но с удивлением обнаружила, что земли нет. Ася просто висела в воздухе.

— Интересно, — сказала она вслух и не узнала свой голос. Он был глухой, как будто слова произнесли сквозь вату.

Ася принялась наносить краску вокруг себя. Размахивала кистью, проводя широкие белые дорожки. По всем сторонам, сверху и снизу. Ася заметила еще кое-что удивительное: краски не становилось меньше. Казалось даже, что ее становилось больше. Медленно, словно неохотно, вырисовывалось окружающее пространство. Ася очутилась внутри белой сферы. Было светло, тепло и тихо. Ася с облегчением выдохнула. Напряжение и злость отступили. Ася выключила фонарик и сунула мобильный в карман.

— Теперь можно рисовать? — неуверенно спросила она белый потолок.

Поставила этюдник, разложила краски и не спеша принялась за работу. Сначала нарисовала белые облачка и яркое солнце желтой краской. Закончив с потолком, приступила к полу. Нарисовала зеленую траву, белые и желтые одуванчики. Продолжила рисунок на всех вертикальных поверхностях. Смыкая поле с нарисованным наверху небом. Вдалеке изобразила речку и за ней — лес. Добавила легкими мазками движение и подкрасила тени.

— Удивительно... Здесь не нужно смачивать кисточку, краски уже готовы к применению. Это удобно. И рисуется как-то быстрее. Прикольно...

Закончив, Ася сложила кисти и внимательно осмотрела свое творение. Она поймала себя на мысли, что тревога ушла, на душе стало спокойно и легко. Подул свежий ветерок и принес запах травы. Она услышала, как издали доносится шум реки и шелест деревьев.

— Надо же... — Ее голос больше не звучал глухо, а был таким, как она привыкла слышать. — Класс.

Ася сделала шаг в полной уверенности, что сейчас наткнется на разрисованную стену. Но никакой стены не было. Можно было идти в любую сторону безо всяких препятствий.

— Круто. — Художница сложила принадлежности в этюдник и отправилась к реке.

Она шла по мягкой изумрудной траве. Ветерок играл ее растрепанными прядями, выбившимися из косы цвета сухой соломы. Рядом с рекой шумел высокими зелеными кронами лес.

Ася дошла до речки, села на берегу и устремила взгляд в бурлящие потоки воды.

— Надо живности добавить.

Раскрыв этюдник, она принялась рисовать. Водила кистью в воздухе, и в местах, где оказывался кончик с краской, моментально возникала твердая прозрачная поверхность. На ней писать картинку было не только удобно, но и невероятно легко. На ветку высокого дуба Ася посадила беспокойного дятла в красной шапочке. Из дупла выглянула пятнистая серо-белая сова. В небе распахнул крылья орел. В поле зашуршали мыши, замелькали маленькие ящерицы. Из леса выбежал серо-коричневый заяц, вышла олениха с пятнистым детенышем, торопливо просеменили друг за другом ежики.

Воздух наполнился щебетанием птиц. В реке заплескалась рыба. Над полем запорхали бабочки. Все зашевелилось и ожило.

— А где я буду жить? Я бы предпочла стеклянный шар на дне озера или готический замок на горе, но для начала сойдет и домик на берегу реки.

Ася взяла карандаш и стала рисовать будущий дом за поляной, ближе к лесу. Одноэтажное строение с большими окнами, крылечком и ступеньками. На покато́й крыше — высокая печная труба. Вокруг — живая изгородь. Колодец с витиеватой ручкой и ведром на цепи. Дорожка от дома к поляне и берегу реки. Клумбы с цветами у входа.

Закончив эскиз, художница взялась за краски. Набросок превратился в дом из белого камня с красно-коричневой черепичной крышей. Колодец стал темно-серым, дорожка — песчаной. В клумбах появились яркие желтые, оранжевые и синие цветы. Ася отправилась к дому, останавливаясь, чтобы прорисовать детали и непрокрашенные фрагменты.

Потратив много времени, но оставшись довольной своей работой, она поднялась по двум кованым ступенькам с деревянным настилом и вошла в дом. Перед ней было белое пространство.

— Конечно, — засмеялась она. — Тут рисовать и рисовать. Ну что ж! Это я люблю. Зато будет все, как мне нравится.

Ася разложила краски и взялась за кисточку. Комната: стол, стулья, лавочка, печка. Кухня: шторы, столешница, кастрюли, сковородки, столовые приборы, тарелки и прочая мелочь. Перегородка. Гостиная: диван, письменный стол рядом с окном, занавески, кресло. Вход в спальню. Кровать, шкаф, тумбочка, светильник-ночник, плотные жалюзи. Ванная комната...

— Фух. Вроде все.

Она вышла в просторную кухню-столовую и выглянула в окно. По-прежнему ярко светило солнце и по голубому небу плыли неторопливые облачка.

— Так. Нужен вечер.

Художница вышла из дома с палитрой синих и фиолетовых тонов. Через некоторое время мир погрузился в сумерки. К Асе подполз ежик, пофыркал и убежал в лес. Она почувствовала теплое дыхание и обернулась. Рядом стояла олениха с детенышем, который тыкался мокрым носом в ее ногу. Художница погладила свои произведения, внимательно осмотрела и сказала:

— Сейчас плохо видно. Приходите завтра, я вас проверю при солнечном свете и подправлю, если что-то не так.

В чаще ухнула сова. Олениха вздрогнула и убежала. Детеныш умчался вслед за ней. Ася вернулась в дом, прошла в гостиную и плюхнулась на мягкий диван.

– Надо еще часы нарисовать.

Она вытасила мобильный. Экран был совершенно пустой. Ася выключила телефон и сунула в карман.

– Ладно. Пусть сейчас будет... Десять часов вечера.

Художница вновь взялась за краски. На стене появился деревянный корпус часов с огромными цифрами, с вензелями и тремя стрелками разной длины.

– Идут. Замечательно. Теперь у меня тут будет свой часовой пояс, – усмехнулась она. – Жаль, что нет моего дневника. Хотя... Подождите... Я могу его нарисовать!

Когда появилась нарисованная тетрадь, похожая на ту, что осталась в тумбочке ее комнаты в академии, Ася открыла первую страницу. Белый чистый лист. Никаких записей.

«Теперь у меня новая жизнь, еще более новая, чем последние три месяца. Здравствуй, мой прекрасный эгомир!» Она отложила ручку и вздохнула. Непрошеным вихрем налетели воспоминания последних двух месяцев. В памяти возникли грустные события. Отчуждение Мирона. Как он стал меньше проявлять к ней внимания и общаться. Перестал заходить в гости. Односложно отвечал на сообщения. Избегал на занятиях. На лекциях начал садиться рядом с парнями-однорूपниками и разговаривал с ними в перерывах. Все чаще ходил в кафе один.

«Мне казалось, что неправильно ревновать своего парня по такому поводу. Я думала, что ему просто